

— Маленький немой, а ты обманщик.

Лин Чжи, стерев слёзы, отложил подушку в сторону.

Взгляд Сун Цзячжу скользнул с его пальцев на стопу, покоившуюся рядом с рукой, и зрачки его чуть потемнели.

Лёгкий румянец окрасил подъём стопы в нежно-розовый цвет.

Сун Цзячжу всё ещё пребывал в состоянии головокружения, какое бывает после потери опоры; в ушах стучало сердце, гудела кровь. Он изо всех сил старался выровнять дыхание, скрыть малейшие признаки своего смятения.

Увидев это, Лин Чжи решил не откладывать на завтра то, что можно было сказать сегодня, и в глазах его заплясали озорные искорки.

— Кстати, насчёт завтрашней пересадки...

Эти слова тут же привлекли внимание Сун Цзячжу. Вся буря чувств, вызванная бешено колотящимся сердцем, отошла на второй план. Он смотрел на Лин Чжи, ожидая продолжения.

— Только ты меня не выбирай. Хэ Юйцин как-то спрашивала, смогу ли я, если хорошо сдам экзамены, выбрать Ван Лин, чтобы они снова сидели вместе.

Хэ Юйцин действительно говорила нечто подобное, но это была скорее шутка, а не серьёзная просьба. У них были и другие друзья, так что сесть вместе не составляло проблемы, да и в любом случае это было не так уж важно. Она сказала это просто потому, что считала Лин Чжи своим другом.

Лин Чжи планировал поднять эту тему завтра, чтобы увидеть реакцию Сун Цзячжу, но раз уж тот пришёл сегодня, их отношения уже сделали тонкий, едва уловимый сдвиг, и откладывать разговор было нельзя.

Время — ключевой фактор. Одно и то же, сказанное в разное время, может иметь совершенно разный смысл.

Выражение лица Сун Цзячжу заметно поникло. В его растерянном взгляде читались недоумение и тихая грусть. Он явно не ожидал, что Лин Чжи променяет его на кого-то другого, и дело было даже не в любви, а в их ещё не окрепшей дружбе.

Сун Цзячжу вспомнил, как неделю назад классный руководитель вызвал его в учительскую и спросил, не хочет ли он сменить соседа по парте. Тогда он ответил: «Нет, я хочу сидеть с ним».

Даже не разобравшись до конца в своих чувствах, даже всё ещё желая вернуть свою жизнь в спокойное, привычное русло, в тот момент, когда его спросили, в тот момент, когда он писал ответ, он последовал зову сердца.

Но он забыл, что в таких делах одного его желания недостаточно. Вот и сейчас Лин Чжи хотел сидеть с кем-то другим.

— Что у тебя за вид? Неужели ты так не хочешь со мной расставаться?

— Маленький немой, я же дал тебе свободу, а ты сам ко мне липнешь. Неужели тебе понравилось, когда я над тобой издеваюсь?

Выпрямив травмированную ногу, Лин Чжи упёрся стопой в живот Сун Цзячжу.

Сун Цзячжу слышал игривые нотки в его голосе, но не отвечал.

На самом деле, Лин Чжи не делал ничего ужасного, по крайней мере, не причинял ему физического вреда, и даже за репетиторство платил.

Когда Сун Цзячжу перестал сопротивляться вторжению Лин Чжи в свою жизнь и даже стал желать большего, он решил, что может стерпеть и не такие издевательства. Ведь в эти моменты Лин Чжи смотрел только на него.

Лин Чжи, словно обнаружив нечто крайне забавное, с озорством посмотрел на него. Его глаза, ещё сохранившие лёгкую красноту от недавних слёз, теперь были полны лукавства. Он покачал ногой, легонько надавливая на живот Сун Цзячжу, и настойчиво спросил:

— Ну же, говори. Это правда?

Зимний холод пробирал до костей. Чтобы удобнее было массировать лодыжку Лин Чжи, Сун Цзячжу снял пуховик и остался в тёмно-синей флисовой толстовке. На фоне тёмной ткани кожа Лин Чжи казалась ещё белее.

Разум Сун Цзячжу разрывался надвое: одна его часть была захвачена словами и выражением лица Лин Чжи, другая — его настойчивым требованием ответа.

Сун Цзячжу сглотнул. Видя, что тот молчит, Лин Чжи приподнял бровь:

— Что ж, буду считать это согласием. Маленький немой, а у тебя опасный характер.

— Если всё ещё хочешь сидеть со мной, то попроси меня. Попросишь — и я останусь твоим соседом.

Кончики пальцев ноги Лин Чжи продолжали лениво надавливать, слегка покачиваясь вверх-вниз.

Юноша улыбался, и на его невинном лице читалось откровенное злорадство.

Если бы Сун Цзячжу мог говорить, он бы без колебаний сказал: «Прошу». Но он был нем, а показывать это на языке жестов казалось странным.

Он слегка поджал губы, задумавшись. Длинные ресницы дрогнули, отбрасывая на щеки лёгкую тень.

Под пристальным взглядом Лин Чжи он протянул руку и слегка потянул за край его одежды.

Этот жест совершенно не вязался с его обычным поведением, но в данной ситуации он приобрёл особый, интригующий оттенок.

«Как мило», — подумал Лин Чжи, но, не скрывая улыбки, не стал произносить свои мысли вслух.

— Ха-ха-ха, маленький немой, ты решил меня передразнить?

Лин Чжи имел в виду их первую встречу в том складе спортзала, когда Сун Цзячжу, которого он толкнул на маты и которому угрожал, схватил его за одежду, не давая уйти.

Лин Чжи слегка вздернул подбородок и нарочито произнёс:

— Такой искренности недостаточно. Попроси ещё.

На лице юноши играла широкая улыбка, которая немного смягчала его обычную невинность, обнажая более истинные эмоции.

Сун Цзячжу был не силен в подобных вещах. Глядя на улыбающееся лицо Лин Чжи, он взял его за руки и легонько потряс.

Он смотрел на Лин Чжи с такой сосредоточенностью, с такой надеждой во взгляде, что вся юношеская чистота и сдержанность проявились в этот миг.

Затем Сун Цзячжу жестами показал, что готов и дальше заниматься с ним, причём бесплатно.

— Но зимой так холодно. Я хочу поскорее возвращаться домой.

Лин Чжи, услышав это, не обрадовался, а, наоборот, с досадой произнёс.

Летом было ещё ничего, вечерняя поездка на велосипеде даже освежала. Но холод пробирал до костей. Выходить из школы в десять вечера, когда на улице уже мороз, тратить время на дополнительные занятия, а потом ещё и ехать домой по ледяному ветру — такая перспектива совсем не радовала.

В голове Сун Цзячжу тут же возникло решение, но он сразу же от него отмахнулся.

Нет, эта мысль уже переходила все границы. Зачем Лин Чжи оставаться у него, если у него есть свой дом?

Сун Цзячжу подумал было о том, чтобы провожать Лин Чжи до дома и возвращаться самому, но тогда его намерения стали бы слишком очевидными. Настолько, что ему самому было бы неловко в этом признаться.

Взгляд Сун Цзячжу поник, но тут Лин Чжи, словно его осенило, предложил:

— Мы можем заниматься по видеосвязи.

— Ах, нет, ты же не можешь говорить.

Языком жестов можно было объяснить многое, но только не высшую математику и естественные науки.

Лин Чжи уже собирался отказаться от этой идеи, но Сун Цзячжу, словно утопающий, ухватившийся за соломинку, вцепился в этот вариант.

— Я могу писать всё на бумаге, и мы можем общаться в чате.

По крайней мере, этот способ был лучше и действеннее остальных.

С тех пор как его отношение к Лин Чжи изменилось, Сун Цзячжу перешёл от стадии «лишь бы не видеть» к стадии «видеть как можно чаще».

— Тоже вариант, — кивнул Лин Чжи. — Тогда так и сделаем. А теперь давай есть, пока всё не остыло.

Лин Чжи надел тапочки и, прихрамывая, пошёл к столу.

Внезапно его тело оторвалось от пола. Сун Цзячжу поднял его на руки и осторожно опустил на стул в столовой. Лин Чжи замер с глуповатым выражением на лице, но в душе потешался.

«Хоть и банальщина, а сердце замирает».

— Так быстрее, — жестами объяснил Сун Цзячжу.

Он был невозмутим, будто сделал нечто само собой разумеющееся.

Коробки с едой были открыты. Поскольку по дороге они не успели остыть, еда была ещё тёплой.

Сун Цзячжу не знал точно, что нравится Лин Чжи, поэтому заказал два блюда наугад и теперь тайком наблюдал за его реакцией.

До самого ухода Лин Чжи так и не дал точного ответа, будут ли они пересаживаться, но Сун Цзячжу уже знал ответ.

***

Экзамен проходил перед началом месячных каникул, и за время отдыха учителя уже успели проверить все работы. Поэтому в понедельник утром учеников встретили результаты экзаменов и рейтинговая таблица.

Имя Сун Цзячжу по-прежнему было на самой вершине списка. Хэ Юйцин заняла четвёртое место, а Лин Чжи — двенадцатое.

Этот результат был даже выше, чем рассчитывал сам Лин Чжи. Он планировал занять место в районе семнадцатого, ведь на прошлом месячном экзамене прежний владелец тела был сорок третьим из пятидесяти пяти учеников.

Учитель особо похвалил Лин Чжи. Юноша, обычно совершенно незаметный в классе, под взглядами одноклассников смущённо опустил голову и тихо поблагодарил учителя.

Сун Цзячжу смотрел на него, и в душе его родилось странное, тонкое чувство — словно он был хранителем какого-то особенного секрета, известного лишь ему одному.